

Владимир Гиппиус. Суровый мечтатель

Публикация Т. Мисникевич (ИРЛИ РАН)

Личные и творческие контакты Владимира Гиппиуса и Федора Сологуба уже привлекали внимание исследователей,¹ однако материалы личного фонда писателя в Рукописном отделе Пушкинского Дома, еще далеко не полно введенные в научный оборот, дают возможность продолжить данный сюжет.

Один из таких материалов – недатированная заметка «Суровый мечтатель» – посвящена Сологубу и его выступлению с чтением лекции «Искусство наших дней», состоявшемуся в концертном зале Тенишевского училища 1 марта 1913 года. Данная заметка могла предназначаться для газеты «Речь»: в 1913 году Вл. Гиппиус стал ее постоянным сотрудником.² Однако свои размышления о текущей литературной ситуации, написанные по свежим впечатлениям от тех или иных событий, Вл. Гиппиус по тем или иным соображениям далеко не всегда доводил до печати.³

Рассуждения Вл. Гиппиуса о лекции Сологуба, посвященной сущности искусства и его задачам в современном обществе, следу-

¹ См.: Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 150–154, 167–168, 181, 348–352; Рыкунина Ю. А. 1) К биографии Владимира Гиппиуса // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 199; 2) Владимир Гиппиус о Мандельштаме, Ахматовой и литературных поколениях // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 332.

² См.: Лавров А. В. Гиппиус Владимир Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 565–566.

³ В частности, не был опубликован отклик на манифесты акмеистов Н. С. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и С. М. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии» – «Учителя и ученики» (см.: Рыкунина Ю. А. Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 207–224), заметка о прочитанной 7 декабря 1913 лекции Вл. Пяста «Поэзия вне групп» (см.: Гиппиус Вл. В. Ничтожные слова о ничтожных делах / Предисловие, подгот. текста и примеч. А. Г. Меца // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 422–433); статья «Отчаявшиеся и очарованные», написанная под впечатлением от самоубийства эгофутуриста Ивана Игнатьева (см.: Кобринский А. А. Владимир Гиппиус: правда и поза // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 549–561.

ет рассматривать в контексте собственных размышлений писателя на данную тему в 1910-е годы. Очевидно, Вл. Гиппиус не мог не отозваться на публичное выступление Сологуба в защиту символизма как мировоззрения и художественного метода. Сологуб находился в поле зрения младшего современника на протяжении всего творческого пути и сыграл важнейшую роль в его самоопределении. Не случайно О. Манделъштам, перечисляя творческие ориентиры Вл. Гиппиуса, наставника поэта в Тенишевском училище, на первое место среди них поставил Сологуба: «отравленный Сологубом, уязвленный Брюсовым, и во сне помнящий дикие стихи Случевского “Казнь в Женеве”, товарищ Коневского и Добролюбова – воинственных молодых монахов раннего символизма».¹

Напомним, что знакомство литераторов состоялось в 1895 году; Сологуб, Вл. Гиппиус, Добролюбов, Ив. Коневской и критик Федор Шперк образовали своего рода объединение петербургских декадентов.² Несомненно, Сологуб, сам в то время еще только завоевывавший свое место в литературном мире, был авторитетом для юного литератора;³ Вл. Гиппиус делился со старшим товарищем своими соображениями по частным и общим вопросам, касающимся судеб «новой» литературы. Так, в письме от 18 (29) июня 1897 года Вл. Гиппиус от иронических замечаний по поводу «Северного вест-

¹ *Манделъштам О. Э.* Шум времени // Манделъштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 2. Проза / Сост. А. Г. Мец. М., 2010. С. 255.

² Данный кружок упомянут в очерке Вл. Гиппиуса «Александр Добролюбов» (см.: Русская литература XX века. 1890–1910. Под редакцией профессора С. А. Венгерова. В 2 кн. Кн. I. М., 2000. С. 261), в подготовленной для С. А. Венгерова автобиографии «О самом себе» (см.: *Гиппиус Вл.* О самом себе / Подгот. текста, публ. и послесловие Евг. Биневица // Петрополь. Литературная панорама. 1993–1996. СПб., 1996. С. 120–127); в биографическом очерке о Сологубе Ан. Н. Чеботаревской (см.: *Чеботаревская Ан.* Федор Сологуб: Биографический очерк // Русская литература XX века. 1890–1910. Под редакцией профессора С. А. Венгерова. Кн. 1. С. 389; подробнее о кружке см.: *Павлова М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. С. 150–154. Встречи с Вл. Гиппиусом в 1895–1899 зафиксированы также в «Тетрадах посещений» Сологуба (см.: «Тетрады посещений» Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 38–42, 44–53, 55–74.

³ В то же время Вл. Гиппиус допускал критические отзывы о творчестве Сологуба. Так, в письме к Матильде Васильевне Менцель, сестре его первой жены Елены Менцель, от 6 октября 1896 от отметил: «Новые рассказы Сологуба “Червяк” и “К звездам” – вздор и стыд, а главное выдумка, и выдумка беднейшей пробы; жалко, потому что чувствую в этом поэте “правду” и какую-то даже любовь» (*Рыкунина Ю. А.* К биографии Владимира Гиппиуса. С. 199).

ника» и его редакции переходит к рассуждениям о миссионерском предназначении русских писателей: «Что русская литература? Жива-здоровехонька? Всё под гору? Что северный вестник со своей скандальной *волынкой*, гудит? хрипит? кряхтит? Небось цензура – не дура? Не то что “редактор-издательница”. Что ее дешевку-то раскупают? Что-то не думается... <...> А Богово Богову – не хватает сил. И Бог остается без жертвоприношений, если говорить красноречиво, что мне начинает в достаточной мере надоедать. Красноречие – даже не поэзия. А и поэзия надоедает... Может быть, оттого что утомительны фальсификации и мистификации, не говоря уже о фейерверках, которых, впрочем, Слава Богу, и время прошло. Надо же когда-нибудь и “о душе подумать”. И не в этом ли назначение и призвание Русских? Мы подошли к каким-то, к самым корням. Наша словесность говорит проникновенней, глубже, насущнее романтиков и натуралистов, она вне и выше этого, как Библия, как Шекспир и немногие иные. Как велик ее дальнейший путь! Нам виден был только пролог, а все уже удивлены, хотя и не знают <?>, и не видят до конца. Как легкомысленно обращаемся мы с нашими “святыми”, как мало мы молимся им. Но не пришел еще час сооружать им храм! Пока у нас вместо храма еще сенная площадь, а посреди этой площади какое-то высокое сооружение со стеклянной крышей, работы Хаима Волинского и Лейки Гуревич. Нам <нрзб.> храм – для русских святынь! Ну, почтили! Конец!»¹

В статьях Вл. Гишпиуса 1910-х годов, несомненно, отозвались его размышления о декадентстве 1890-х годов и связанные с ними мировоззренческие метания того периода. Фигура Сологуба была важна для Вл. Гишпиуса и как память о начале собственного пути в литературе, и как символ твердой верности заветам символизма и оппозиции

¹ ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 185, л. 2 об.–3 об., 4. На эти сентенции, разделяя скепсис Вл. Гишпиуса относительно редакции «Северного вестника», Сологуб в ответном письме от 25 июля 1897 возразил: «...Флексерова душа, действительно, черна от неблагодарности <...>. Только вот зачем Вы от декадентства отрекаетесь? Это меня приводит в жалость. Что Вы о себе в минорном тоне пишете, с этим я глубоко несогласен. В Вас, кажется, засела злостная мысль о том, что время изменилось, что-то такое вышло из моды, нужно что-то иное, новое и т. д. А мне всегда смешно, когда говорят, что, напр<имер>, декадентство вышло из моды. Дамские слова. Впрочем, З<инаида> Н<иколаевна> серьезно думает, что декадентство только в том и состоит, что какие-то шалопуты видят звуки и любят зло. Надо же идти по направлению к концу и сооружать храм» (ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 224, л. 1 об.–2 об.).

набиравшему обороты акмеизму.¹ Эти две значимые для Вл. Гиппиуса составляющие были обозначены уже в кратких тезисах лекции «Искусство наших дней», опубликованных накануне ее первого чтения: «Основные мысли талантливого писателя сводятся к следующему. Современное новое искусство весьма существенно отличается как от бывшего тенденциозного искусства, так и от самодовлеющего эстетизма. Искусство свободно и неразрывно связано с эстетическими основаниями. Правдиво и морально и символическое направление, ибо символизм есть основа всякого большого искусства. Останавливается Сологуб на демократической тенденции нового искусства и индивидуализме его, на “неистовстве быта” и на “преображении” его, на праве отклонений художника от канонов и заученных формул, наконец, на религиозных отношениях искусства, превращающего, в конце концов, жизнь в один творческий процесс».²

Вл. Гиппиус подробно, и не без некоторого скепсиса, отозвался на чтение лекции Сологуба спустя месяц в контексте рассуждений о реализме и символизме, «эстетике и общественности», литературных поколениях, новейших направлениях в литературе – акмеизме и эгофутуризме: «Это постоянно повторяющееся колебание двух отношений к литературе не есть колебание ее – как думали раньше, – между эстетикой и общественностью, а тем более между созерцанием и утилитаризмом. Оно важнее по своему смыслу, потому что “слово” (древнее *логос*) – реально вместительнее понятия фор-

¹ Вл. Гиппиус и его брат Василий Владимирович Гиппиус на первоначальном этапе принимали участие в заседаниях «Цеха поэтов»; Вл. Гиппиус под маркой «Цеха поэтов» издал свой сборник стихов «Возвращение» (СПб., 1912), что не прошло без внимания критики: «Молодой кружок “Цех Поэтов” выпускает зараз несколько книг своих лучших членов: С. Городецкого, Н. Гумилева, Анны Ахматовой, Зенкевича, Вл. Нарбута, Моровскую <sic!> и гордость кружка, исключительно ценного поэта Вл. Бестужева, выступавшего одно время с ранними символистами – Бальмонтом, Лохвицкой, Сологубом, В. Ивановым и др. (Ц. <Цензор Д. М.> Литература, книги, писатели // Черное и белое. 1912. № 2 (Март). С. 11). Однако вскоре Вл. Гиппиус стал выступать с достаточно резкой критикой акмеизма, например: «Педагоги да и только эти недавние декаденты! Открываете “Аполлон”, жеманно и небрежно касавшийся до сих пор всего в перчатках; там – Городецкий, без всяких перчаток бьет символистов за “неприятие мира” и за проповеди смерти – во имя нового Адама, “для которого все мгновения вечны!”» (Гиппиус Вл. Литературная неделя. Что случилось? // Речь. 1913. 11 марта. № 68. С. 3). Об отношении Вл. Гиппиуса к акмеизму и републикации его статей см.: Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О. А. Лекманова и А. А. Чабан; вступ. статья, примеч. О. А. Лекманова. СПб., 2014 (по указателю); Рыкунина Ю. А. Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики».

² Биржевые ведомости. Веч. вып. 1913. № 13423. 28 февраля (13 марта). С. 4.

мально-эстетического и глубже, жизненное того, которое ему придают идеологи словесной техники. У нас в России этот спор давний и имеет свои традиции.

Несколько лет тому назад казалось, что ему пришел конец. Символисты думали, что они его разрешили, найдя равновесие, и примирили общественников с эстетам. В последнее время мы на самом деле переживали эпоху сравнительного литературного равновесия – результат объединения всех – в революционные дни – на общих чувствах. Но в этом году видимое равновесие, на котором разные литературные группы в период наступившего, вслед за революцией, общего затишья готовы были удержаться, опять нарушилось. Опять заспорили и поссорились.

Две линии – вечные во все времена – шли или рядом, или параллельно, или скрещиваясь в нашей художественной литературе последних лет: одна – реалистическая, другая – не считавшая на этот раз себя противоречащей ей – только подобная романтизму – символическая. Символисты, по существу, не были противниками реализма, хотя их основная линия шла от мистики; не оказались они врагами революции, напротив! Две исконно противоположные линии тогда встречались и даже сливались. Примеров много: приведу – Л. Андреева, Белого, Блока, Сологуба, Мережковского, все эти скрещивания – и внутри себя, и в отношении друг к другу. В этом году началось с того, что некоторые из молодых символистов начали отрекаться от своих учителей, и производили это отречение, по-видимому, с намеренным шумом, имея в виду не кружковую борьбу только, – и основались для этого в достаточно популярном художественном журнале, а также в одном, не менее популярном, кабачке. С эстетической стороны они уклонялись в сторону реализма, с другой – следуя символистам, – подавали руку общественникам. Когда вслед за их шумными выступлениями в разных обществах Сологуб, председательствовавший в одном из таких собраний, где они о себе заявляли, сам выступил с публичной лекцией об «искусстве наших дней», в которой он, как надо было ожидать, защищал символическую позицию, утверждая при этом, что символизм не есть только эстетика, но идет к общественности – держа в руках религиозное знамя, – все так и поняли, что эта лекция – оппозиция старого и правоверного символиста молодым еретикам из <<Аполлона>>: он и отозвался об них попутно-пренебрежительно и даже назвал самым

талантливым явлением одного молодого поэта – совсем другой группы, до сих пор только скандальной: эго-футуристской. А в только что вышедшей книжке “Русской мысли” (март) другой из главарей символизма, Брюсов, посвящает эго-футуризму целую статью: исходя из того, что литература всегда шла от формы к содержанию, а не наоборот; не затрагивая идей и на личностях останавливаясь только мельком, – он видит в словесных выходках “футуристов” – признаки развития, считает их появление – обещающим, значительным. О группирующихся около “Аполлона” “акмеистах” – обещана другая статья, но Брюсов высказался о них в “Русской мысли” уже этим летом: он относится к ним скорее отрицательно, он предпочитает им футуристов – за смелость и за искания, – чисто технические, конечно, так как ни идей, ни личностей он не касается. Итак, два символиста сошлись на одном, идя с разных концов: надежда русской поэзии – футуристы, т. е. словесные новшества.

Суета это или не суета? На самом деле идут новые движения и новые надежды? Следует о них говорить? Не подождать ли? Подождать всегда осмотнительнее – но правильно ли молчать о том, о чем говорят, о чем думают – не литераторы! это менее всего тревожно: они справятся и собственными силами, – но, под влиянием их, те, кто читает журналы, кто слушает лекции, кто верит им, и, прочитав Брюсова и прослушав Сологуба, будут думать, что началось движение, настоящее, живое. О них надо всегда больше всего и прежде всего, подумать и напомнить о той правде, что область литературы шире словесного ремесла и что, как всякое дело жизни, она требует и ждет – одаренных, внутренне одаренных личностей. Этого заждалась наша литература, этого уже давно нет, и без этого ей не сдвинуться с места. Конечно, хорошо, что акмеисты, “приемля мир”, заботятся о таком культурном «мирском» деле, как чистота и точность русского языка (в этом – лучшая сторона их заявлений); хорошо и то, что не перестают появляться и такие люди, которые, отличаясь меньшей умеренностью, вводят в язык разные новшества, даже неожиданные, даже ошеломляющие, – тем сильнее будет дан им отпор со стороны тех, для кого дороже всего точность языка, а не дерзость. Но разве на самом деле и действительно – все это литературные надежды?

Интересно было слушать, как Сологуб излагал в своей лекции свои символические верования, но ведь это интересно и значитель-

но – лишь постольку, поскольку он человек и своеобразной, и своеобразной, и глубокой индивидуальности, и она-то дала русской литературе сологубовскую поэзию и сологубовский роман!»¹

Статья Вл. Гиппиуса вполне вписывалась в ряд откликов на выступление Сологуба в изданиях самой разной ориентации. Например, критик В. Львов-Рогачевский дал такую оценку: «В аудитории, наполовину состоявшей из литераторов – всевозможных “истов”, а наполовину из модернизированных девиц и анемичных юношей, каких-то “тихих мальчиков”, читал мертвенно-холодным голосом вялую и бескровную лекцию Ф. Сологуб. Когда этот утонченнейший поэт, быть может единственный подлинный декадент в России, служил свою “Литургию мне” и в то же время говорил о всенародном демократическом искусстве, провозглашал победу Смерти-Владычицы и в то же время приветствовал грядущих варваров, горячая, буйная кровь которых обновит дряхлеющие вены искусства наших дней, я переживал странное чувство. Нисколько меня не радовали слова, впрыснутые мертвой водой, о народе, о демократии, о моральном искусстве <...> Не радовали и не трогали эти запоздалые, а главное ненужные уступки, которые только исказили до неузнаваемости черты старой, давно определившейся школы символистов-декадентов».²

Нейтрально-сдержанно отозвался о лекции журнал «Аполлон»: «Достоинства Федора Сологуба как лектора и как стилиста сделали очень занимательным этот несколько перегруженный доклад. Не давая ничего нового, он явился популярным изложением воззрений на жизнь и на искусство одного из виднейших наших символистов

¹ *Гиппиус Вл.* Литературная суэта // Речь. 1913. 1 апреля. № 89. С. 3. В своих рассуждениях о «мучительных поисках» русской поэзии Вл. Гиппиус и в дальнейшем апеллировал к имени Сологуба: «Это искание младенческой ясности, свежести, наивности, – проходит через наше художественное сознание уже довольно давно – с тех пор, как наша поэзия стала сознательной по преимуществу, т. е. с тех пор, как она объявила себя символической. С тех пор и начались мучительные поиски непосредственности, сначала оставаясь в пределах романтических, – и здесь развился культ Блока, который сам томился тоской по жизни; потом эта тоска сказалась в увлечении мифологизмом Городецкого; в прошлом году сделана была попытка найти нового Кольцова в Ключеве; в этом году открылась борьба “акмеистов” с символистами против их отвлеченности, – наконец, сейчас один из отвлеченнейших наших поэтов предлагает нам “легкую” поэзию Игоря Северянина» (*Гиппиус Вл.* Русская хандра (Игорь Северянин. Громокипящий кубок. Поэзы. Предисловие Федора Сологуба. К-во «Гриф») // Речь. 1913. 24 июня. № 169 (2481). С. 3).

² *День.* 1913. 9 марта. № 65. С. 3.

и как бы сводом всего им написанного. Кажется, так думает и сам лектор, неоднократно ссылавшийся на собственные произведения и цитировавший отрывки из них. С этой точки зрения доклад представлял для широкой публики несомненный интерес».¹

Заметка «Суровый мечтатель» носит иной характер. Она представляет собой лирическую зарисовку, эмоционально окрашенный отклик человека, изнутри пережившего перипетии литературной борьбы и философские искания эпохи. Как известно, взгляды Вл. Гиппиуса на декадентство и символизм претерпевали некоторую эволюцию.² По-видимому, фигура Сологуба была для него некоей точкой отсчета; не случайно в своих рассуждениях о новых, и во многом чуждых ему, явлениях в русской литературе он выделяет именно Сологуба как «символ веры» декадентства: «Но во всяком случае Сологуб, старейший по годам и один из первых декадентов, остается у всех на виду человеком неизменно трагического сознания, какие бы маски он на себя ни надевал, как бы ни менял свое лицо, как бы ни приветствовал грешных “заложников жизни”; он остается одним из знаменательнейших явлений русского колебания между нигилизмом и религиозностью, если бы даже оказалось вдруг, что весь его мастерский талант – ничто. В самом его существовании есть свойства гениальности».³

Немаловажно, что Вл. Гиппиус и Сологуб связывали длительные человеческие отношения. В своей автобиографии, подготовленной для С. А. Венгерова, Вл. Гиппиус отметил: «Мое декадентство было принято без всяких оговорок только Сологубом, с которым я сблизился с первой же встречи в “Северном Вестнике”»; «Дольше всех оставался с Сологубом».⁴ Их объединяла и общая, помимо литературы, сфера деятельности: оба писателя долгие годы посветили педагогике.⁵ Вл. Гиппиус дал яркий и психологически точный

---

¹ Г. И. <Каратыгин В. Г.> <Б. н. > // Аполлон. 1913. № 4. С. 50.

² Подробнее см.: Коневской Иван. Письма к Вл. В. Гиппиусу / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела на 1977 год. Л., 1979. С. 79–86; Гиппиус Вл. В. Ничтожные слова о ничтожных делах. С. 431–432; Кобринский А. А. Владимир Гиппиус: правда и поза. С. 549–551; Рыкунина Ю. А. 1) Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики». С. 194–208, 2) К биографии Владимира Гиппиуса. С. 194–208.

³ Рыкунина Ю. А. Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики». С. 214.

⁴ Гиппиус Вл. О самом себе. С. 121.

⁵ Педагогический аспект присутствует в дискуссии Сологуба и Вл. Гиппиуса о современной литературе после публикации статьи последнего «Памяти

портрет Сологуба, используя чрезвычайно значимые для культуры русского символизма образы – героя драмы Ибсена строителя Сольнеса и Дон-Кихота Сервантеса. При этом в коротком тексте заметки Вл. Гиппиус сумел довольно точно передать и фактическое содержание лекции – реферата, составленного на основе статей Вяч. Иванова («Предчувствие и предвестия», 1906; «Две стихии в символизме», 1908; «Поэт и чернь», 1904; «Кризис индивидуализма», 1905), Андрея Белого («Искусство», 1908; «Об итогах развития нового русского искусства», 1907; «Символизм как миропонимание», 1903)

П. Я. Стоюнина (к 25-летию со дня смерти)» (Русская школа. 1914. № 2. С. 81–94); Сологуб писал Вл. Гиппиусу: «Современных писателей Вы разделили на хороших (Чехов, Короленко, Горький, Мережковский) и подлых (Андреев, Сологуб, Бальмонт, Блок, Брюсов), которые столь гнусны, что их нельзя пускать в школы. Почему нельзя, – не сказано: зачем же доказывать, если читатели “Речи” и без доказательств поверят на слово, что все мы – вредные мерзавцы! Хороши только Горький, Короленко и Мережковский, а остальные не могут быть “силою, общественно преобразующею”, хотя они проникнуты “слишком мятежным, слишком потрясающим сердца, духом”. Все это сбивчиво, непоследовательно, просто неверно, но все это должно чрезвычайно понравиться всем современным ненавистникам литературы, всем этим тьмачисленным батюшковым, которые во все времена восхваляют покойников и грызут живых, которые так же охотно грызли Пушкина (тоже за его вредность и развратность), как теперь нас. Занятие малопочтенное, и очень прискорбно, что этою ненавистью к живой литературе заражается и Вы. И что за странный поворот мысли, что за ненужная боязнь, – как бы не пустили в школу Сологуба или Блока! Передоновы тем и занимаются в школах, что не пускают в нее писателей, и напрасно: для школы вреден не автор Передонова, и не изображение Передонова, а сам Передонов, Бальмонт же, Блок и Сологуб могут принести школе только пользу, хоть сколько-нибудь уравнивая вред живых Передоновых всех степеней зловредности (ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 224, л. 7 об.–8 об.). На эти преисполненные обидой рассуждения Сологуба Вл. Гиппиус в письме от 10 ноября 1915 ответил следующим образом: «Письмо Ваше меня очень огорчило, потому что – Вы могли об этом забыть, но я Вам напомню, что я был один из первых, еще мальчик, гимназист, пришедший к Вам с восторгом перед Вашим, только что открывшимся тогда, талантом. И потом, когда я ушел на целые годы от литературы и стал преподавателем, я не переставал любить Вас как писателя и человека. Объективно я считаю критику Мережковского и Вашу поэзию – высшим проявлением русской литературы в последнее время. Лично – рядом с Вашими стихами я ставил только стихи Зинаиды Николаевны и Блока. Своим ученикам и ученицам я всегда указывал на Мережковского как на критика и на Вас как на художника. И – все-таки – я считаю, что все те писатели, начиная с Вас и включая меня, которые пошли главное всего от Достоевского, – пошли таким остро-индивидуалистическим путем, который, по-моему, не сходится с путями педагогическими, в особенности – воспитания школьного» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 185, л. 14–15 об.). Как отметила М. М. Павлова, данный сюжет вписывается в череду конфликтов Сологуба, чрезвычайно мнительного по натуре, с критиками и писателями-современниками. См.: Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. С. 351–352.

и самого Сологуба: «Мечта Дон-Кихота», «Я. Книга совершенного самоутверждения», а также предисловие к книге переводов из Поля Верлена «Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом» (СПб., 1908).¹

Пафос «Сурового мечтателя» вполне отвечает основному пафосу автобиографии Вл. Гиппиуса: «Я подаю руку всем томившимся томлением духа – всем томлениям, еще в древности названным жгучими, которые в декадентстве соединились до самой предельной тоски, какой до тех пор не знали ни Байроны, ни Шопенгауэры. – Подам свою неизменную руку декадентству, которое первое до безумия переживало безбожие, и я верю, что с пророческой страстностью хотело Бога».²

Осмысление личности и творчества Сологуба было продолжено Вл. Гиппиусом в мемуарах, к активному написанию которых он обратился в 1930-е годы: «Федор Сологуб», «“Судьба или сорок восемь лет (саможизнеописание в трех шестнадцатилетиях). Шестнадцатилетие первое (1879–1894). Жизнеописание нетленных из моих друзей”. Воспоминания. 1930–1932»,³ «Пушкин, Ибсен, По, Достоевский... Заметки по истории литературы». Однако, к сожалению, ввиду особого характера почерка Вл. Гиппиуса в данный период, они до настоящего времени остаются нерасшифрованными.

* * *

Текст заметки Вл. Гиппиуса печатается по беловому автографу с правкой: ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 165, 12 лл. Первоначальные варианты приведены в примечаниях.

---

¹ Подробнее о лекции «Искусство наших дней» и созданной на ее основе статье см.: *Сологуб Федор. Искусство наших дней / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. Т. В. Мисникевич // Литературные манифесты и декларации русского модернизма. СПб., 2017. С. 210–249.*

² *Гиппиус Вл. О самом себе. С. 130.*

³ Публикацию фрагментов рукописи см.: Владимир Гиппиус о Мандельштаме, Ахматовой и литературных поколениях. С. 326–340. Любопытно, что, перечисляя наиболее близких ему поэтов, Вл. Гиппиус вычеркнул первоначально упомянутое имя Сологуба.

Владимир Гиппиус

Суровый мечтатель

Теперь впечатление от этого странного вечера,¹ наверное,² уже позабылось. Когда Сологуб³ перед собравшейся на его лекцию «об искусстве наших дней» публикой произносил свою речь о религиозной стихии в поэзии и жизни, о правде смерти и торжестве личности, он казался патриархом, вещающим вечные истины молодому поколению. И хотя сказанное им было не ново – ни для него самого, ни для символизма, и хотя он собрал только воедино основные принципы – свои и чужие,⁴ – и в тоне его не было уменья опытного лектора, и его голос то замирал, то звучал холодным криком, и хотя он не развивал и не доказывал своих мыслей, а группировал отдельные изречения, порою⁵ даже бледные по форме, и оценки его не всегда были справедливы, – но от него ли самого, от содержания ли слов, которые он произносил, веяло таким значительным и глубоким – и (как-то странно сказать это о писателе, только⁶ что ставшем популярным и еще не всеми прочитанном!) – таким несовременным, что нельзя было⁷ оставаться невнимательным к его словам и образам. Была внутренняя суровость в этих словах – пусть не во всем⁸ точных, в его голосе, пусть не всегда убедительном, во всей манере говорить – этого бледного человека,⁹ с голой, как череп, головой и мечтательно-холодными глазами. Словно невеселый призрак стоял перед этой беспечной, праздной толпой, состоявшей по большей части из юношей и девушек, почти отроков, – теперешних, современных, «наших дней», странно беспечных, странно праздничных! А этот бледный человек, этот, подобный невеселому призраку, мечтатель, говорил о том, что жизнь в своем смысле¹⁰ таинственна и что он вместе с другими своими сверстниками искал этого смысла, почему и стал символистом, разгадывая за временным, здешним – вечное, иное, что этот смысл – итог их исканий – он решил нести обществу, потому что истинное искусство, проникнутое этими исканьями, не только идет в глубь, но и в ширину: оно хочет быть искусством всенародным. – В чем же этот смысл¹¹? и каким путем к нему прийти?

Смысл жизни, постигаемый на фоне таинственной сущности мира, которая есть смерть, заключается в мечтательном преображении мира,

символизации его в искусстве, – единственной реальности – мечтательной и жизненной одновременно, преодолевающей жизнь в мечте. «Я поверил в новый миф, – говорил Сологуб, – миф, создаваемый каждым рыцарем печального образа, миф – претворения безобразия в красоту: приходите ко мне и поверьте, как я, – через ваше “я”, через личность, через – таящую, заключающую в себе все мироздание – душу».

Как должна была слушать беззаботная публика эти суровые призывы? Пусть он ошибался, пусть он строил воздушные замки – вечный строитель Сольнес, неумирающий Дон-Кихот – фантаст, – но он был, казалось, один только мрачен со своей фантазией в огромном полупустом зале темно-желтого цвета – и всем, кажется, становилось¹² холодно-мечтательно и уныло. Могли ли пойти за ним?

Кончилась лекция. Раздались рукоплескания – неуверенные, хотя и довольно шумные; он стоял на эстраде и смотрел с особенной¹³, не то «иронической», не то «лирической» улыбкой – как он сам говорил в своей лекции, – сверху, свысока, а может быть и жалостливо, на тех, кто его выслушал с принудительным вниманием и сейчас разойдется по домам, небрежно похлопав в ладоши!

Сологуб решил своей лекцией¹⁴ высказать исповеданье символизма – как будто бы имея в виду нападки на него со стороны нового поколения – и произнес¹⁵ суровую и мрачную речь, несмотря на то, что он говорил о несущейся в пьяной пляске деревенской девушке, символизирующей жизнь; и сколько девушек, слушая это, думали о себе, о своих девичьих возможностях и радостных праздниках, но увидели ли они за образом этой опьяненной плясуньи – лицо смерти, фон смерти, – томительного небытия?

Вот – различие между Сологубом и слушавшей его современной толпой молодых людей, которые, наверное, ждали от него резких и решительных призывов, – и он произносил их иногда, особенно в конце своей речи, словно бы сам подчиняясь этой молодой требовательности, желая быть – «всенародным», – но темным духом вечно-го Молчания была проникнута первая часть речи, и сказана она была тихим, проникновенным голосом, и подразумеваемый гимн смерти (произнесенный¹⁶ только в конце словами Баратынского) – аккомпанировал апофеозу пляски-мечты, преображающей мир. – Да! глубока была пропасть между этим невеселым человеком и молодостью, – неуверенно, или¹⁷ равнодушно¹⁸ рукоплескавшей ему. Он

говорил о трагической бездне, над которой танцует его таинственная, всенародная мечта, о мире, преображенном в искусстве, – его слушали те, кто не слышит бездны, кто просто танцует,¹⁹ он говорил о Дон-Кихоте, который силой своей веры создавал легкую красоту из «грубого куска» жизни, – понимали ли его? или воспринимали²⁰ только призывы к легкой красоте? не расслышали подземного гула смерти? боя неотвратимых часов? прислушались ли к себе, к своей творящей стихии, к личности, рождающей мечту из глубины своего, обостренного ощущеньями мировой сущности, сознания?

Суровы были призывы Сологуба; легка или нет его мечта, но она мрачна²¹ в своем источнике; и она требует, а не утешает²². И кто увидел в нем утешителя, искусителя,²³ навевающего успокоительные призраки, тот ошибся, тот не знает духа символизма, с исповеданием которого выступил Сологуб. Перед публикой стоял суровый мечтатель, рыцарь печального образа, человек трагического сознания, тяжело скользящий над бездной. Жуток образ его пляшущей деревенской девушки, а не легок, не радостен; пусть он сам думает, что – легок, что радостен, как думал Дон-Кихот! Может быть, он сам безумец, забывший за видениями своего бреда трагическую правду? Забыл и то, каким смиренным покаянием кончил Дон-Кихот свою буйно-мечтательную жизнь?.. Нет, – не забыл! Ведь он сам начал свою речь словами смирения перед вечностью – и такова вся «лирика» в его стихах. А его лекция, может быть, была проникнута²⁴ и «иронией»?

Нет, – он был искренен, он верил в мечту: так верил, что забывал трагическую правду, – потому что слишком тягостно ее сознание для действительного мечтателя, глядевшего в глаза самой смерти и охладевшего от ужаса. А молодости, если она, разошедшись по домам, все позабыла, что слышала от него, может быть, вспомнится из этих моих слов – образ бледного человека, – как призрак, со странной улыбкой, стоявшего перед ней на эстраде, вечером 1 марта, в знакомой полукруглой зале? Может быть, вспомнят об его срывающемся, туманном голосе, говорившем о том, что «все преходит», что «все преходящее – только символ», что жизнь в своих истоках – мрачна и ответственна, что к смыслу жизни можно прийти, только «познав самого себя», – что трагическая правда жизни – для победы над мраком – ждет сильных человеческих душ, способных родить над жизнью великую²⁵ мечту и подчинять ей жизнь?²⁶

- ¹ Было начато: *выст<тупления>...*
- ² Было: *уже улеглось и, может быть...*
- ³ Было: *Когда на днях...*
- ⁴ Первоначальные варианты: *принципы – свои и чужие – этого течения.../ принципы – свои и чужие – этого литературного учения..*
- ⁵ Было начато: *иногда...*
- ⁶ Было: *еще только...*
- ⁷ Первоначально: *было бы...*
- ⁸ Было: *не всегда во всем...*
- ⁹ Первоначально: *человека, уже немолодого...*
- ¹⁰ Было начато: *в своем бездонн<ом> смысле...*
- ¹¹ Зачеркнуто: *этот*. Затем восстановлено, далее было начато: *жизн<енный>...*
- ¹² Первоначально: *было...*
- ¹³ Было: *со странной особенной...*
- ¹⁴ Первоначально: *в своей лекции...*
- ¹⁵ Было начато: *против тех, кто борется с ним, и произнес...*
- ¹⁶ Было начато: *пр<озвучавший> раздавшийся...*
- ¹⁷ Было начато: *а...*
- ¹⁸ Было начато: *небреж<но>...*
- ¹⁹ Зачеркнуто: *кто не живет...*
- ²⁰ Было: *слышали...*
- ²¹ Было: *сурова его мечта, но мрачна...*
- ²² Было начато: *призы<вает>...*
- ²³ Было начато: *успо<коителя>...*
- ²⁴ Первоначально: *проникалась...*
- ²⁵ Было: *окрыленную пляской...*
- ²⁶ Далее, с новой строки, зачеркнуто: *Или Сологуб говорил совсем не то?*